

Высшая школа экономики
Факультет философии

Философия. Язык. Культура.
Выпуск 3

Санкт-Петербург
АЛЕТЕИЯ
2012

Печатается по решению Ученого совета факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Философия. Язык. Культура. Вып. 3 / отв. ред.
Горбатов В.В. — СПб. : Алетейя, 2012. — 368 с.

ISBN 978-5-91419-840-1

Сборник содержит статьи, посвящённые осмыслению широких взаимосвязей языка и культуры, философских аспектов познания, коммуникации и понимания, исследованию символического измерения бытия человека и культуры.

Книга предназначена философам, культурологам, специалистам в области языкознания, истории политических и правовых учений, широкому кругу учёных-гуманитариев.

УДК 1.101 + 1.14-18 + 7.01
ББК 71.0 + 81 + 87

ISBN 978-5-91419-840-1

© Коллектив авторов, 2012

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

С.Н. Засышкин
КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА У.В.О. КУАЙНА И ЕЁ КРИТИКА
Н. ХОМСКИМ

This paper is aimed to show crucial points of Quine's language acquisition conception that were criticized by Noam Chomsky. Willard Van Orman Quine tried to build a language theory in a behavioristic way using such terms as: stimulus, reaction and reinforcement. He thought that language acquisition by children could be explained as the process of ontogenesis of reference. N. Chomsky mainly objected to behaviorism and showed its weak explanatory force in language theory.

Ключевые слова: *бихевиоризм, эмпиризм, холизм, онтогенез референции, усвоение языка, творческий аспект языка*

Keywords: *behaviorism, empiricism, holism, ontogenesis of reference, language acquisition, creative aspect of language*

Язык представляет собой очень интересный феномен для научного исследования и философского осмысления. Языковой способностью (по крайней мере, к устной речи) обладают все человеческие общества в подавляющем большинстве своих представителей. Язык является средством мышления и коммуникации; с его помощью осуществляется познание и сохраняется информация; он позволяет упростить и синхронизировать нашу деятельность. Вместе с тем, природа языка остается для нас загадочной и интригующей. Обладая конечным числом символов (слов) и правил их сочетания, язык позволяет нам выражать бесконечное число мыслей. Не менее удивительно и то, что маленькие дети, примерно в двухлетнем возрасте, усваивают язык без какой-либо предварительной теоретической подготовки, несмотря на всю сложность его структуры. Важной попыткой постичь загадочный феномен языка стала концепция У. Куайна. В настоящей статье будут рассмотрены аспекты этой

концепции, которые подверглись критике со стороны Н. Хомского.

Бихевиоризм, холизм и эмпиризм являются базовыми принципами, на которых У. Куайн строит свою теорию языка. Принцип эмпиризма в его трактовке предполагает, что наши контакты с внешним миром ограничены лишь поверхностными раздражениями сенсомоторных органов чувств, поэтому любая физическая вещь манифестирует себя только благодаря оказываемому ею сопротивлению и воздействию на наши чувства. Этим объясняется использование У. Куайном терминологии, больше присущей для физиологии (стимульное значение, стимул, реакция, раздражение поверхности органов чувств и т. п.). Эмпиризм тянет за собой бихевиористский принцип в описании процессов усвоения и использования языка, предполагая тем самым, что усвоение языка описывается схемой «стимул — реакция — подкрепление». Это означает, что любое правильно используемое и понимаемое слово есть результат (реакция) целенаправленного воздействия (стимул и подкрепление) социального окружения на произнесение индивидом этого слова в обыденных ситуациях. Каждый из нас усваивает свой первый язык благодаря другим людям посредством наблюдения за их артикуляцией (*mouthing*) слов в ясных intersubjectивных условиях. В результате вещи становятся вещами лингвистически и концептуально, т. е. только тогда, когда они настолько общедоступны, что о них можно говорить публично, когда они настолько универсальны, что о них можно часто говорить, когда они настолько близки к нам, что их можно распознавать и называть по имени. Именно к так понятным вещам и применяются слова. Поэтому говоря о субъективном восприятии качеств, мы вынуждены прибегать к указанию на такие доступные всем вещи. Например, говоря о цвете, мы указываем на некоторый фрукт, который имеет этот цвет; говоря о неприятном запахе, мы имеем в виду испортившиеся яйца и т. п. Принцип холизма предполагает, что индивид заучивает не отдельные слова и предложения, а целые их комплексы. Дополняя бихевиористский принцип, холизм предлагает в качестве реакции не просто согласование слова со стимулом (или стимулами), но и согласование его с другими предложениями.

Н. Хомский называет построенную на таких принципах концепцию У. Куайна наиболее явным и последовательным продолжением юмовской теории усвоения языка. При таком подходе наше знание языка может быть представлено как сеть лингвистических форм (в первом приближении, предложений), связанных друг с другом и с внешними стимулами. Данная формулировка выдвинута Куайном как фактическое утверждение. Однако если язык понимать как сеть предложений, связанных между собой и с внешними стимулами, вызывающими обусловленный ответ, тогда и саму предрасположенность к речевому поведению, считает Хомский, следует характеризовать посредством такой сети, но данное фактическое допущение, с его точки зрения, далеко от очевидности.

Уместно сделать ещё два важных замечания относительно куайновской теории языка. Американский философ убежден, что европейские языки (прежде всего английский, на материале которого У. Куайн и проводит анализ процесса усвоения языка) оказывают такое формирующее влияние на наше восприятие окружающего мира, что мы видим сразу концептуализированные чувственные целостности в виде вещей (поэтому нет никаких чистых чувственных данных), хотя наша связь с миром осуществляется лишь через стимульные воздействия на органы чувств. Второе замечание состоит в том, что для У. Куайна усвоение языка ребенком есть прежде всего онтогенез референции, т. е. процесс поэтапного формирования объективной референции.

Куайн признает, что понять процесс усвоения языка невозможно, если не предположить наличие у человека некоторых врожденных структур или способностей, необходимых для запуска этого процесса. К особенностям человеческого рода относится появляющийся у младенцев лепет, который позволяет родителям поощрять определенные произнесенные маленькими детьми звуки (*utterances*). Немедленное поощрение правильно сказанных слов стимулирует ребенка к их повторному произнесению, т. е. к повторению поощряемых действий. В результате то, что было случайной стимуляцией к действию, закрепляется как стимул этого действия. Ребенок может случайно лепетать нечто похожее на «Мама» в тот момент, когда где-то в

поле его зрения появилось лицо мамы. Мама рада, что ребенок её узнает, и хвалит его, поэтому ребенок при виде матери будет иметь стимул сказать «Мама». Таким образом, согласно Куайну, усваиваются ситуационные предложения (*occasion sentences*).

Однако следует отметить, что такое усвоение предложения «Мама» происходит при наличии многих других стимулов. Ведь при появлении мамы, когда ребенок называет её, может одновременно подуть ветер или ребенок просто слышит свое же говорение. Такие неверные стимуляции отпадают благодаря тому, что они не поддерживаются в дальнейшем; благодаря процедуре стимульного закрепления остаются только нужные родителям стимуляции. Однако, согласно Куайну, закрепляемые стимулы для выражения «Мама» отнюдь не являются единичными: к ним относятся появление мамы и слышимое произнесение кем-то слова «мама». Важным оказывается не только умение произнести слово, но и способность слышать и распознавать его. Если отец говорит «мама», а ребенок поворачивается и смотрит на мать, то, по Куайну, это есть признак интеллектуального слушания. Если ребенок достиг данной стадии в овладении языком, когда он усваивает слова, слыша их от третьих лиц, и распознает по ним объекты, то его поведение уже выходит за рамки оперантного поведения (по Б.С. Скиннеру, оперантное поведение осуществляется без действия каких-либо внешних стимулов, а только для удовлетворения наличной мотивации). Для У. Куайна очевидно, что в любом случае первый этап усвоения языка полностью зависит от действий и стимулов со стороны общества, ибо именно оно решает, какие произнесенные звуки поощрять, а какие — нет.

Второе допущение, которое принимает У. Куайн, касается пространства долингвистических качеств (*prelinguistic quality space*). К примеру, ребенок каким-то образом отличает розовый цвет от оранжевого, а, скажем, малиновый и оранжевый цвета не различает. Это означает, что у него имеется некоторое долингвистическое пространство качеств. Куайн без энтузиазма принимает это допущение, высказывая в его адрес ряд критических замечаний. 1) Указанное пространство представляет собой нашу реконструкцию, которую мы, возможно, безосновательно приписываем ребенку. Данное возражение будет снято, если

мы сможем обнаружить подобные закономерности в пространстве качеств у всех младенцев. 2) Поскольку нет никакой неосознаваемой связи между звуком и цветом, мы вынуждены предположить существование разных пространств для каждого отдельного качества. Тогда одни и те же объекты могут находиться на разном расстоянии друг от друга в разных пространствах качеств у одного и того же ребенка. Иными словами, лингвистическое пространство качеств неизбежно должно быть многомерным.

Н. Хомский также указывает на небесспорность принятия данного допущения и отмечает, что структура такого пространства качеств будет определять содержание создаваемой теории. С его точки зрения, допуская это пространство, Куайн принимает довольно радикальную версию врожденных идей. У Куайна есть такое замечание: очевидно, что у ребенка красный, зеленый и желтый мячи отдалены друг от друга меньше, чем от красного платка. Но тогда почему мы должны отрицать наличие врожденных идей мяча или платка? Однако, отмечает Н. Хомский, сам У. Куайн задумывал такое пространство с ограниченным количеством измерений, включая в него только физические качества объектов (видимо, по количеству чувств у человека). Тогда мы имеем довольно своеобразную теорию врожденных идей.

Еще одним критическим замечанием Н. Хомского в адрес У. Куайна стало то, что последний пытается придать своей теории эмпирическую обоснованность, используя понятие «закрепление» («подкрепления») и понимая под ним действие со стороны социума по поощрению произносимых ребенком слов. Однако, отмечает Н. Хомский, если принимается теория врожденных идей, то понятие закрепления утрачивает смысл. Правда, оно может выполнять и иную роль — роль особого ритуала, придающего куайновской теории более «научный» характер.

Понимая всю спорность понятия пространства качеств, У. Куайн пытается исправить ситуацию с помощью теории фонетических норм. Определенные нормы действуют при отнесении любого качества к тому или иному конкретному виду, но если цвет, как бы он ни отклонялся от нормы, всё равно остается

цветом, то фонетическая норма обладает нехорошей особенностью: услышав какое-то слово, мы неизбежно пытаемся притянуть его к какой-либо норме, вписать его в структуру нашего понимания при помощи догадки или контекста. Таким образом, поле норм представляет собой континуум, который мы в ходе интерпретации превращаем в совокупность дискретных норм. Но мы по-прежнему можем трактовать норму как класс событий, составляющих её выполнение.

Прежде чем обратиться к рассмотрению этапов онтогенеза референции, подчеркнем ещё раз, что ребенок, согласно Куайну, усваивает слова сугубо по бихевиористской схеме «стимул — реакция — подкрепление», т. е. увидел объект — правильно произнес его имя — получил похвалу. Однако на этом первом этапе онтогенеза референции все слова усваиваются как массовые термины (*mass terms*), которые характеризуются наличием у них семантического свойства кумулятивной референции, например, любая часть воды есть вода. Грамматически массовые термины ведут себя как единичные, ибо они не имеют формы множественного числа и артиклей. Семантически же массовые термины не именуют какой-то уникальный объект. При этом У. Куайн исходит из того, что ребенку ещё недоступны наши тонкие дистинкции между классами терминов, его вообще не волнует вопрос о том, каждый ли раз он встречает одну и ту же маму или нет.

В куайновской классификации терминов ярко проявился его холистский подход. Так, абсолютный общий термин может использоваться трояким образом. Например, в высказывании «Барашек в дефиците»¹ он фигурирует как массовый термин, который употребляется как единичный термин и именуется рассредоточенный объект — мясо всех барашков в мире. В высказывании «Агнец — это барашек» он выступает как общий термин, истинный относительно каждого юного представителя вида *Ovis aries*. Наконец, в высказывании «Темное мясо — это барашек» он фигурирует как массовый термин, употребленный как общий термин и истинный относительно каждой части или всего рассредоточенного в мире мяса барашка. Усвоение

---

¹ В русском языке в этом контексте мы бы употребили слово «баранина».

постоянства формы слова «барашек» при выполнении трёх перечисленных функций подготавливает ребенка ребёнку к тому, чтобы научиться обращаться с разделенной референцией общих терминов. Последующее изучение терминов также представляет собой обучение троякому их использованию.

Следующим этапом онтогенеза референции является формирование разделенной референции, которую ребенок может усвоить, только лишь приняв нашу схему понимания физического мира. Разделенная референция позволяет в семантике нивелировать различие между единичными (обозначают один единственный объект) и абсолютными общими терминами. Так, абсолютный общий термин «яблоко» не именуется какой-то конкретный объект, но тем не менее при каждом его использовании мы указываем на один определенный физический объект. Поэтому феномен разделенной референции нужно связывать только с терминами; она не имеет никакого отношения к реальным вещам, иными словами, разделенная референция есть сфера семантики, а не онтологии. Таким образом, этот второй этап онтогенеза референции знаменуется усвоением слов, которые мы можем использовать для указания на разные экземпляры предметов, входящих в один класс. В то же время абсолютные общие и единичные термины различаются по своей грамматической роли в предложении: субъект высказывания представлен единичным термином, предикат высказывания — общим термином.

У. Куайн признает наличие в языке элементов, которые никак не отражены в стимульном значении, поэтому ребенку требуется длительный период непрерывного обучения (а именно коммуникации со взрослыми носителями языка), а лингвисты в условиях радикального перевода должны прибегать к помощи различных аналитических гипотез. К подобным элементам следует отнести все указательные местоимения, артикли, предлоги и прочие «девайсы» языка, позволяющие сформировать объективную референцию, т. е. референцию, способную указывать недвусмысленно на конкретный объект. Поэтому последующий этап онтогенеза референции связан с освоением данных «девайсов».

Абсолютные общие термины благодаря присоединению к ним указательных местоимений «это», «этот» и т. д. преобразуются в демонстративные единичные термины, что позволяет: 1) говорить об отдельных объектах (конкретной горе, реке или человеке), не зная их имен; 2) указывать на единичные объекты, которые не имеют названия (например, на конкретное яблоко); 3) получать помощь в усвоении имен собственных (например, достаточно указать на реку и сказать её название, и уже не нужно следовать по всему течению реки и повторять её название).

Необходимо отметить, что абсолютные общие термины с указательными местоимениями обладают непродолжительной референцией в отличие от стабильной референции единичных терминов. Демонстративные единичные термины обеспечивают сохранность механизма остенсии — прямой эмпирической связи с объектом референции. Единичные демонстративные термины создают возможность для усвоения ребенком абсолютных общих терминов.

В дальнейшем ребенок усваивает так называемые реляционные термины. Если абсолютный общий термин истинен относительно какого-либо объекта самого по себе, то реляционный термин истинен относительно объекта x в его отношении к объекту y (примеры реляционных терминов: «часть», «больше», «брат» «превосходит» и т. п.). Этот аспект Куайн назвал «взаимооживлением» предложений, в котором, собственно говоря, и реализуется принцип холизма. Здесь ребенок способен уже сам образовывать новые слова или составные термины следующими способами: 1) предикация («красный дом»); 2) присоединение относительного термина («брат Авеля», «любит Авеля»); 3) комбинированный вариант («злой брат Авеля»).

Н. Хомский отмечает, что при такой бихевиористской интерпретации усвоения слов и способов формирования новых словосочетаний язык представляется как конечный набор ассоциированных предложений. Ведь подобные механизмы опираются на слишком бедный набор стимулов, которые позволяют познакомить нас с довольно ограниченным спектром предметов окружающего мира. Окружающий мир человека, усвоившего язык по бихевиористской схеме, будет поразительно скуден и мал судя по объему требующихся для его описания лексических

единиц, тогда как сам У. Куайн говорит о принципиально неопределенном количестве предложений в языке, понимая язык как склонность к вербальному поведению.

Наконец, ещё одна, принципиально новая, фаза онтогенеза референции знаменуется появлением абстрактных единичных терминов, которые именуют качества или атрибуты. Абстрактные термины могут быть как единичными, так и общими. Различие между абстрактными терминами, общими и единичными не сводится лишь к их грамматическим позициям в предложении. По большому счету, в нашей речи абстрактные термины могут употребляться в любой позиции.

Овладение абстрактными терминами возможно, по мысли У. Куайна, лишь благодаря различию, возникающему в употреблении массовых терминов. Рассмотрим данный переход на примере предложения «Красный». Оно может быть выучено на первом этапе, когда различие между предложением «красное», сказанным о яблоках, и им же, сказанным о поверхности яблок, ещё не существенно. Ребенок усваивает предложение «Красное» одновременно и как массовый термин, и как прилагательное, истинное относительно предметов, которые, подобно яблокам, первоначально не являются красными. Конечно, он ещё сознательно не различает эти два односложных предложения с разными функциями, но в результате «красное» становится именем атрибута, общего не только для луж и пятен однородного красного вещества, но также и яблок. Каждый общий термин содает возможность для появления абстрактного единичного термина. Вместе с абстрактными терминами возникает феномен перекрестной референции. Перекрестная референция — это ситуация, когда мы можем говорить о нескольких объектах, имеющих общее свойство или атрибут, избегая повторного употребления слова (например, оба растения имеют общее свойство *x*).

Вместе с тем, следует отметить, что предложенная У. Куайном схема онтогенеза референции абсолютно не отвечает на вопросы, связанные с грамматикой: как усваиваются времена? как усваиваются наклонения и залогов? и т. п.

Свои критические замечания Н. Хомский завершает вопросом: каковы те врожденные свойства ума (*mind*), которые

определяют природу опыта и содержание того, что станет известно на основании этого опыта? От чего зависит то, как ребенок будет воспринимать нож — как объект с такими-то свойствами, или как объект, используемый для таких-то целей, или как то и другое вместе? Как мы можем отличить нож от предмета, в точности похожего на нож, но используемого в другой культуре совершенно по другому назначению?

Согласно Н. Хомскому, само понятие «обучение предложению» (*learning of sentence*) неясно. Представим, что я описываю сад за моим окном, где есть прекрасная береза. Это значит, что я усвоил предложение «В саду за моим окном есть прекрасная береза». Такое предположение абсурдно, считает Н. Хомский. Скорее всего, изучая язык, мы обучаемся не предложениям и не усваиваем бихевиористский репертуар через тренировки и закрепления. Скорее, мы как-то развиваем принципы, определяющие форму и значение неопределенно большого количества предложений. Неверно также понимать знание языка как знание ассоциированной сети предложений, сформированной обусловленными ответами.

Н. Хомскому представляется неправомерным определение языка как комплекса наличных предрасположенностей к вербальному поведению, благодаря которому говорящие на одном языке с необходимостью придут к сходству друг с другом в речи. Что заставляет язык меняться в соответствии, скажем, с настроением, индивидуальностью, повреждениями головного мозга, доверчивостью, знанием и верованиями? Как объяснить такие бесчисленные влияния на основе «предрасположенности к ответу»? Все это проблемы, с которыми неизбежно сталкивается бихевиоризм.

Бихевиористская схема, отмечает Н. Хомский, также не позволяет Куайну принять синонимию. Ведь невозможно бихевиористски объяснить синонимичные фразы «Увидимся послезавтра» и «Увидимся через четыре дня после позавчера». Иными словами, значение предложения нельзя характеризовать в терминах обусловленного ответа и обусловленного стимулом использования фразы. (Следует отметить, что в работах У. Куайна можно найти и иные аргументы против принципа синонимии.)

Ещё один важный пункт в критике Н. Хомского, на мой взгляд, заключается в том, с бихевиористских позиций невозможно объяснить творческий аспект языка. Кстати сказать, Хомский одним из первых поставил вопрос о необходимости такого объяснения. Творческий аспект использования языка основывается на следующих соображениях: 1) нормальное использование языка носит новаторский характер, т. е. повседневное использование языка не является повторением ранее изученного или услышанного; мы всегда по-новому реагируем на повседневные ситуации; мы не пользуемся готовыми моделями, т. к. в противном случае, их число было бы астрономическим; 2) нормальное использование языка свободно от действия каких-либо внешних или внутренних стимулов, доступных обнаружению, и именно это делает язык средством мышления и самовыражения; 3) нормальное использование языка всегда связано и соответствует ситуации.

Куайновская же теория совершенно не объясняет инновационность в использовании языка. С её помощью не получается (1) объяснить способность человека продуцировать новые предложения, которые никто никогда не слышал, и понимать те предложения, которые сам человек не слышал; (2) понять феномен А.С. Пушкина, который фактически создал современный русский литературный язык и осуществил кардинальную перестройку грамматики русского языка.

Литература

1. *George A.L.* Whence and Whither the Debate Between Quine and Chomsky? // *The Journal of Philosophy*, Vol. 83, No. 9 (Sep., 1986), pp. 489–499.
2. *Horwich P.* Chomsky versus Quine on the Analytic-Synthetic Distinction // *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*, Vol. 92 (1992), pp. 95–108.
3. *Quine W.V.O.* Word and object. — Harvard university & the Massachusetts Institute of Technology, 1960.
4. *Quine W.V.O.* Theories and things. USA: Harvard College, 1982.
5. *Words and objections.* Essays on the work of W.V. Quine. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1969.

Сведения об авторе: Засыпкин Сергей Николаевич, факультет филологии НИУ ВШЭ, студент магистратуры.